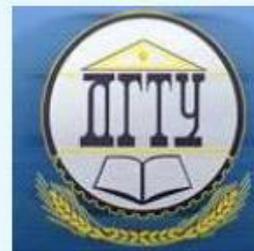

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.96:159.964

Научная статья

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-28-37>

Особенности взаимосвязи тревожности и типов конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов

В. И. Пищик

Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону

 vladaph@yandex.ru

Аннотация

Введение. Вера в заговоры рассмотрена в связи с личностными особенностями человека и особенностями социальной среды. Теории заговора могут выступать в качестве одного из способов обработки переживаний, связанных с ощущением серьезной угрозы. Классические работы по теме тревожности были сопоставлены с пост-модернистским подходом, который расширил видение проблемы взаимосвязи тревожности и конспиративизма. Тревожность рассмотрена в неклассическом ключе. Подчеркивается неоднозначность влияния тревожности на конспиративизм и отсутствие региональных отечественных исследований.

Цель. Установление особенностей взаимосвязи тревожности и веры в заговоры студентов разных регионов.

Материалы и методы. Выборку исследования составили 357 студентов г. Ростова-на-Дону и г. Архангельска. Были применены следующие методики: «Методика измерения типа ментальности» (МИТМ) (В. И. Пищик), Шкала тревожности Тейлора, Методика измерения веры в заговор (С. Ш. Муталимова, В. И. Пищик, дополненная) и методика «Измерение конспиративистской ментальности» (В. И. Пищик). Статистическими методами выступили: корреляционный анализ, критерий различий, регрессионный анализ.

Результаты исследования. Выявлена значимая корреляционная связь конспиративистского результативного типа ментальности и тревоги. Определены предикторы конспиративистского типа ментальности «Готовый», включающий тревожность. Установлены значимые различия по уровню тревожности и вере в заговоры с преобладанием в Северном регионе.

Обсуждение и заключение. Между тревогой и типом конспиративистской ментальности не наблюдается тесной взаимосвязи. Результаты и методики рекомендованы для использования психологам и педагогам в воспитательной работе со студентами.

Ключевые слова: тревожность, конспиративистская ментальность, вера в заговоры, тип ментальности, нарциссизм, студент.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z».

Для цитирования. Пищик, В. И. (2023). Особенности взаимосвязи тревожности и типов конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(2), 28–37. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-28-37>

Features of the relationship between anxiety and conspirativistic mentality types of students of the Southern and Northern regions

V. I. Pishchik

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 vladaph@yandex.ru

Abstract

Introduction. Belief in conspiracies is considered in connection with the person's personality traits and the peculiarities of the social environment. Conspiracy theories can act as one of the ways to process experiences associated with a sense of serious threat. Classical works on the topic of anxiety were compared with the postmodern approach, which expanded the vision of the problem of the relationship between anxiety and conspiracy. Anxiety is considered in a non-classical way. The ambiguity of the influence of anxiety on conspirativism and the lack of regional Russian research is emphasised. Purpose. Establishing the features of the relationship between anxiety and belief in conspiracies of students from different regions.

Materials and Methods. The study sample was 357 students from Rostov-on-Don and Arkhangelsk. The following methods were applied: Mentality Type Measurement Technique (MITM) (V. I. Pishchik), Teilor's Manifest Anxiety Scale, The Questionnaire for Measuring Beliefs in Conspiracies (S. S. Mutalimova, V. I. Pishchik, supplemented) and the Measurement of Conspirativistic Mentality method (V. I. Pishchik). Statistical methods were correlation analysis, difference test, and regression analysis.

Results. The severity of anxiety levels was found in men. A significant correlation was revealed between the productive type of mentality and anxiety. Predictors of the conspirativistic mentality type "Ready", including anxiety, are determined. Significant differences were found in the level of anxiety and belief in conspiracies with a predominant prevalence in the Northern region.

Discussion and Conclusion. There is no close relationship between anxiety and the type of conspirativistic mentality. The results and methods are recommended for use by psychologists and teachers in educational work with students.

Keywords: anxiety, conspiratorial mentality, belief in conspiracies, type of mentality, narcissism, student.

Funding information. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of the scientific project no. 22-28-00520 "Transformation of the conspiratorial mentality of the youth of generation Y and Z".

For citation. Pishchik, V. I. (2023). Features of the relationship between anxiety and conspirativistic mentality types of students of the Southern and Northern regions. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(2), 28–37. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-28-37>

Введение. Изучение проблемы распространения веры в заговоры и формирования конспиративистской ментальности привели нас к вопросу о связи между тревогой и верой в заговоры. К настоящему моменту известно, что формирование убеждений о существовании заговора может быть вызвано ситуационными факторами, такими как посттравматический стресс, тревога (Goenjian et al., 2000), реакция на страх и неуверенность (van Prooijen, 2018). М. Grzesiak-Feldman (2013) обнаружил, что студенты, находящиеся в тревожной ситуации, например, ожидающие экзамена, были особенно восприимчивы к теории заговора. И. Р. фон Биберштайн (2010) писал о том, что страхи, связанные с конспирологией, являются не реальными, а невротическими, и выражают стремление человека к социальной гармонии. Исследователи обнаружили положительную взаимосвязь между убеждениями в заговоре и личностной и ситуативной тревожностью (Grzesiak-Feldman, 2013; Leibovitz et al., 2021; Swami et al., 2016), а также восприятием угрозы, исходящей от других социальных групп (Imhoff, Bruder, 2014) или социальных проблем (Heiss et al, 2021). Данные результаты позволяют рассмотреть убежденность в заговоре как способ компенсации в ситуации угрозы: «когда нарушаются преданные убеждения, люди испытывают состояние возбуждения, которое побуждает их подтверждать другие убеждения, которым они привержены» (Proulx, Heine, 2010, с. 889).

Недавние теоретические модели небезосновательно рассматривают убеждения в заговоре как индивидуальную реакцию на угрожающий опыт, поскольку это предположение подкрепляется обнаруженными эмпирическими взаимосвязями между убеждениями в заговоре и чувствами тревоги и дистресса. В исследовании J. Krüppel, D. Yoon и A. Mokros (2023) отмечается, что убеждения в заговоре были связаны с более высоким уровнем диспозиционной ($r = 0,20$; $p = 0,003$, 95 % Bootstrap CI [0,03; 0,38]), но не ситуационной тревожности. Касательно совладания со стрессорами, убеждения в заговоре положительно коррелировали с бдительностью и не были связаны с избеганием. Не было обнаружено никакого замедляющего или посреднического влияния индивидуального стиля совладания на взаимосвязь между убеждениями в заговоре и тревогой. Эти результаты подразумевают, что люди, которые поддерживают теории заговора, скорее более тревожны и менее терпимы к двусмысленности.

Мы можем полагать, что теории заговора могут быть рассмотрены как один из способов обработки переживаний, связанных с ощущением серьезной угрозы (Jutzi et al., 2020; van Prooijen, 2018), а также как стратегия преодоления (Krüppel, Yoon, Mokros, 2023). Одобрение теорий заговора может помочь человеку уменьшить вызывающие отвращение чувства тревоги и возбуждения перед лицом потенциальной угрозы (Jutzi et al., 2020), что может объяснить, почему люди с повышенным уровнем тревоги более уязвимы для таких теорий. Эту идею подтверждают результаты нашего собственного исследования взаимосвязи нарциссизма и тревожности (Пищик, 2021), проведенного на двух национальных группах: русские и азербайджанцы. Наиболее нарциссичными и тревожными оказались русские респонденты, у которых в большей степени проявлялась склонность к конспиративизму.

Неправдоподобные теории заговора — это переосмысленные выводы, которые «объясняют» тревожную информацию, максимизируя вероятность наличия данных, имеющих отношение к заговору. Основой для исследования M. Hattersley et al. (2022) выступала гипотеза о том, что теории заговора являются примерами переобучения. Вера в теорию заговора представляет собой выбор места в континууме между двумя различными типами объяснений. Возможно, что тревога, повышая эмоциональность респондентов, также повышает вероятность ошибки и выбора ложного вывода. В построенной нами теоретической модели конспиративистской ментальности тревога выступает предиктором, однако, остается неясным, а что скрывается за ней и как она может влиять на веру в заговоры?

Целью исследования выступило установление особенностей взаимосвязи тревожности и веры в заговоры у студентов разных регионов. Мы предполагаем наличие определенной взаимосвязи между типом конспиративистской ментальности и уровнем тревоги, более того возможно, что их проявления значимо различаются у респондентов из разных регионов. Тип конспиративистской ментальности может иметь определенные психологические предикторы.

Степень разработанности проблемы

Тревожность А. М. Прихожан (1998) определяет как устойчивое личностное образование, как переживание эмоционального дискомфорта при неудовлетворенности значимых потребностей, которое может быть компенсировано поведением. Существует мнение, что исследовать тревожность напрямую не представляется возможным, поскольку она скрыта, вместо этого можно исследовать ««как бы» тревожность», ее заместитель (квазитревожность) (Глотова, Спасскова, 2005). Авторы выделяют тревожность в качестве базового механизма, обусловленного случайными факторами, а также надстроечные механизмы, относящиеся к более широкому репертуару реакций.

Стоит отметить, что в большинстве исследований чувству страха приписывается предмет, а у тревоги же он как будто бы отсутствует. Ж. Лакан (2010) отмечал, что тревога не является беспредметным страхом и связана с желанием Другого. Автор говорил о том, что, экзистенциалисты пытались «спроецировать Я в процесс рождения тревоги» (Лакан, 2010, с. 12). Ж. Лакан (2010) повествовал, что тревога кроется в пустоте, она связана с остановкой, сдерживанием. Также ее можно ассоциировать с тремя осями: трудности, смятение и движение (таблица 1).

Ж. Лакан описывает рождение тревоги следующим образом: человек заторможен, ему что-то мешает, его симптом проявляется после встречи с помехой; после этого человек чувствует замешательство, у него появляется желание укрыться, зайти за ограждение. Возникает момент, когда человек не может справиться с ситуацией, возникает смятение (нарушение, ослабление), за которым следует смущение и продуцируются эмоции, в том числе, волнение.

Таблица 1

Позиция тревоги среди иных означающих по Ж. Лакану		
Трудности→		
Ингибирование, торможение	Помеха	Смущение
Эмоция	Симптом — замаскированное наслаждение	Отыгрывание (прочь со сцены, где человек фигурирует в качестве субъекта)
→Смятение	Acting out — разыгрывание, демонстрация	Тревога
↓ Движение		

В работе М. М. Бахтина (2000) мы встречаем положение, что человек всегда ищет «отражение нашей жизни в плане сознания других людей» (с. 43). Человек нуждается в Другом человеке, для того чтобы получить признание. Быть для себя самого — это значит еще «предстоять себе». «Остается приютиться в другом и из другого собрать разрозненные куски своей данности» (с. 148). Эти мысли перекликаются с идеями Ж. Лакана. Он полагал, что человек находится под гнетом реального, «и сцена Другого, где человеку предстоит сложиться как субъекту и держать речь» (Лакан, 2010, с. 144) очень важна. Уход, отыгрывание — это всегда выход со сцены в мир. В то же время демонстративным поведением для Другого предстает разыгрывание, определяемое как попытка уйти от тревоги.

Ж. Лакан заключал, что тревога — это аффект, и он служит «быть тем, что не бывает». З. Фрейд (1927) определяет тревогу как сигнал, возникающий на границах в ситуации, когда человеку угрожает нечто, чье появление неуместно. В этом случае Я уже должно существовать. Во время тревоги часто наблюдается деперсонализация (отстранение субъекта от самого себя). Согласно З. Фрейду (1927), аффект — это сигнал о приходящей извне опасности, который находится в эго, на уровне Я и в идеальном-Я. Аффект тревоги не вытеснен, он скорее смещен (З. Фрейд), неустойчив (Ж. Лакан).

Ж. Лаканом (2010) представлена «истина тревоги». Согласно автору, в реальности уже существует Другой, и от него никуда не деться. Желание человека — это желание Другого, более того: «Другой затрагивает мое желание постольку, поскольку ему не хватает чего-то, о чем он не знает» (Лакан, 2010, с. 32). Ж. Лакан обращал внимание на то, что желание изгоняет человека из субъективности, и он, как объект, располагается в месте, которое определено в Другом. Человек оказывается зависимым от Другого, поскольку не может понять предмета своего желания, ему необходимо признание себя Другим, но не в качестве объекта. Человеку необходимо сделать выбор между двумя сознаниями. Другой остается недоступен человеку, и это выступает в качестве нехватки. Люди, как субъекты, отмечены конечностью, и нехватка, которую они испытывают, может обернуться желанием конечным. Нехватка может быть заполнена по-разному, и, если, по мнению Ж. Лакана, на месте нехватки появляется что-то, то, возможно, именно этого человеку и не хватало. В случае, если обнаруживается, что нехватки нет, то возникает тревога.

Для тревожной реакции необходимы 2 условия: 1) четкое представление того, чего не хватает, нехватка как источник тревоги; 2) поле нехватки — это следствие внешнего требования. Тревога всегда заключена в рамку, представляющую собой ожидание, настороженность, защитную реакцию на то, что произойдет (Лакан, 2010, с. 94). Субъект формирует представление о враждебности и выходит из состояния беспомощности. Сама же тревога обозначает себя тогда, когда в рамке возникает то, что изначально было очевидно — некий Враг. По этой причине, мы не можем говорить о том, что у тревоги нет объекта. Человек предчувствуем его, это то, что находится «до» чувств: «тревога — это его причина» (Лакан, 2010, с. 96). Тревога несет в себе уверенность, на которое направлено сомнение, призванное ее снять. Через действие осуществляется перенос тревоги, но таким образом убирается и уверенность.

З. Фрейд связывает тревогу с утратой объекта. При постоянном обнаружении объектов, один из них рискует оказаться замаскированной тревогой (фобией). Объект выступает причиной желания, а нехватка в месте Другого, в месте, где складывается субъект — это чертой объекта. А что является объектом желания? По мнению Ж. Лакана (2010), иллюзия заключается в том, что «объект желания ожидает нас впереди» (с. 126), однако, в действительности, он располагается позади, в бессознательном.

Из всего вышесказанного, мы можем заключить, что вере в заговор предшествует неверие, недоверие миру. На глубинном уровне человек, веря в заговор, на самом деле ищет в Другом заговор, некую связь, которая могла бы связать его с Другим в «ужасном мире». Эта связь, основывающаяся на угрозе, подразумевает обоюдное желание причинения вреда у человека и Другого. Не находя в Другом свою нехватку, поскольку наличие заговора очень трудно доказать, человек тревожится. Таким образом, можно сделать вывод, что вера в заговор предшествует тревоге.

Материалы и методы. Мы провели исследование в Ростове-на-Дону и Архангельске (2022 г.) на предмет установления особенностей веры в заговоры, тревожности и составляющих ментальности. Нами было опрошено 357 студентов вузов (65 % женского пола).

В ходе исследования мы применяли следующие методики:

– «Методика измерения типа ментальности» (МИТМ) (Пищик, 2019), позволяющая выявить ведущий тип ментальности и его составляющие;

– шкала тревожности Тейлора;

– методика измерения веры в заговор (С. Ш. Муталимова, В. И. Пищик, 2014, дополненная В. И. Пищик, 2019), выявляющая несколько видов веры в заговоры: фармацевтический, информационный, государственный, политический, общественный, климатический, продуктовый, веры в конец света, клонов, пришельцев, в тайные организации, тайную деятельность, связанный с вакцинацией;

– методика «Измерение конспиративистской ментальности» (Пищик, 2023), позволяющая установить преобладание типов конспиративистской ментальности: готовый, устойчивый, результативный, ищущий.

Для доказательства значимости различий полученных по методикам данных, проводился расчет статистического критерия различий. Также был использован корреляционный анализ. Построение модели конспиративистской ментальности типа «Готовый» был проведен с помощью регрессионного анализа. Для обозначенных расчетов использовался пакет статистических программ SPSS.20.

Результаты исследования. Нами были определены уровни тревожности, представленные в группах мужчин и женщин (рис. 1).

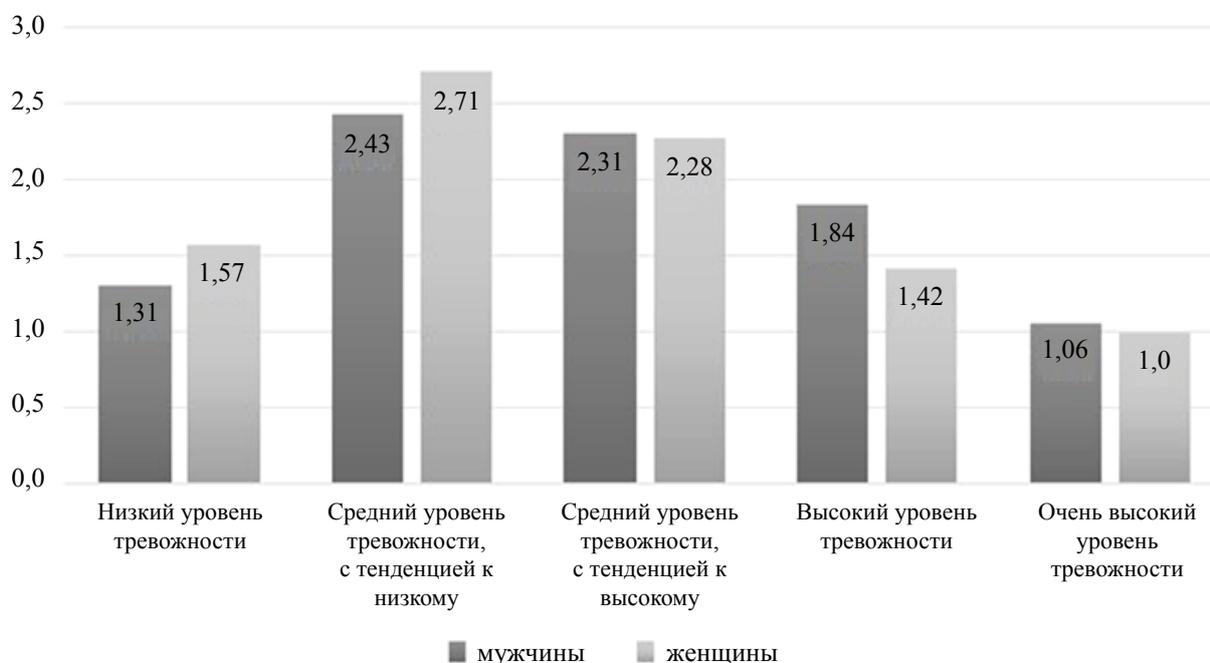

Рис. 1. Выраженность степени тревожности в группах

В группах доминирует средний уровень тревожности с тенденцией к низкому (с преобладанием у женщин). У мужчин отмечается преобладание высокого уровня тревожности.

Полученные данные были сопоставлены с данными типов конспиративистской ментальности (таблица 2).

Таблица 2

Корреляции уровня тревоги и типов конспиративистской ментальности				
Типы конспиративистской ментальности	Устойчивый	Ищущий	Готовый	Результативный
Уровень тревоги	-0,194**	-0,439**	0,136**	0,456**
P	0,000	0,000	0,000	0,000

Примечание: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

Из приведенной таблицы видно, что наиболее тесная связь тревожности обнаружена с результативным типом конспиративистской ментальности. Это тип, который тревожится из-за последствий веры в заговоры. Готовый тип, направленный на веру в заговоры в большей степени, сочетается с тревогой, но с меньшим коэффициентом. Устойчивый и Ищущий типы конспиративистской ментальности обратно связаны с тревогой.

Далее мы строили модель конспиративистской ментальности типа «Готовый» и, проведя регрессионный анализ данных, получили следующие результаты (таблица 3). Предикторами конспиративистской ментальности типа «Готовый» обнаружили: переходный архетип, ценность Другого, уровень тревоги, вера в заговор, связанный с вакцинацией, вера в глобальность, вера в фармацевтический заговор.

В таблице 4 представлены результаты сравнения особенностей выраженности конспиративистской ментальности и тревоги по регионам.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа					
Модель	Коэффициенты*			T	Значимость
	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты		
(Константа)	B	Стандартная ошибка	Бета		
Вера в фармацевтический заговор	1,427	0,135		10,53	0,000
Вера в глобальность	0,034	0,013	0,101	2,67	0,008
Вера в заговор связанный с вакцинацией	0,053	0,012	0,159	4,35	0,000
Уровень тревоги	-0,031	0,012	-0,104	-2,69	0,007
Ценность Другого	0,011	0,003	0,110	3,09	0,002
Переходный архетип	0,011	0,008	0,048	1,36	0,173
(Константа)	0,091	0,042	0,078	2,19	0,029

*Примечание: зависимая переменная: Готовый

Таблица 4

Критерии значимости различий по регионам					
	Уровень тревоги	Устойчивый	Ищущий	Готовый	Результативный
Статистика U Манна-Уитни	39518,00	48360,00	43775,00	41551,00	47103,50
Статистика W Уилкоксона	128771,0	75156,00	70571,00	130804,00	73899,50
Z	-4,003	-0,175	-2,250	-3,276	-0,739
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	0,000	0,861	0,024	0,001	0,460

В большей степени преобладание тревоги отмечено в Северном регионе, как и готовность к вере в заговоры.

Обсуждение и заключение. В данной работе мы хотели продемонстрировать особенности взаимосвязи тревожности и конспиративистской ментальности на российской выборке. Хотя в ряде отечественных и зарубежных исследований были продемонстрированы взаимосвязи дисфункциональных убеждений и уровня рефлексив-

ности с повышенным уровнем ситуативной и личностной тревожности (Grzesiak-Feldman, 2013; Swami et al., 2016; Гусев, Скиртач, 2019; Krüppel, Yoon, Mokros, 2023), в нашем исследовании мы не обнаружили такой тесной взаимосвязи.

Результаты замеров (Copping, 2022) свидетельствуют о наличии небольшой взаимосвязи между конкретными убеждениями в заговоре против COVID-19 и тревогой, и, хотя для большинства повышенная тревога способствует соблюдению требований, для тех, у кого есть убеждения в заговоре в отношении COVID-19 (но не общие убеждения в заговоре), это может быть неверно. Призывы к страху могут быть успешными для большинства, но небольшое меньшинство может продолжать игнорировать советы. Это нашло подтверждение в нашем исследовании, где взаимосвязь тревоги и веры в заговор имела не самый высокий коэффициент.

В работе И. С. Хажуева, К. А. Идрисова и А. А. Саидова (2020) показано, что у лиц с суицидальными идеями террористического характера наиболее преобладающим оказался механизм психологической защиты по типу замещения, респонденты предположительно маскировали или замещали собственные аутоагрессивные побуждения концепцией мученической смерти, в рамках идеологии воинственного джихада. В исследовании Д. О. Карелина (2018) демонстрируется, что у половины суицидентов в большей степени выражена личностная тревожность. В нашем исследовании высокие показатели тревожности были взаимосвязаны с результативным типом конспиративистской ментальности (ищущий последствия заговора), что также можно расценивать как защитный механизм.

В ряде работ была обнаружена негативная связь веры в конспирологические теории с тревогой по поводу пандемии (Нестик, Дейнека, Максименко, 2020; Jutzi et al., 2020), что перекликается с данными, полученными в нашем исследовании, так как Устойчивый тип к вере в заговоры также имел отрицательную взаимосвязь с тревожностью.

Нами установлено, что переходный архетип — предиктор конспиративистской ментальности типа Готовый. Данный архетип обуславливает очень неустойчивую структуру архетипов (Пищик, 2019), заключенных в сверх-Я, переход от традиции к инновации. Ценность Другого представляется особенно важной, поскольку, при высокой готовности веры в заговоры, «Я», скорее всего, является объектом, и имеет место в Другом (Лакан, 2010). Уровень тревоги показывает отрицательные коэффициенты. При наличии знака «минус» у коэффициента регрессии, с увеличением коэффициента, результативный признак уменьшается. Следовательно, наблюдается уменьшение тревоги, существует возможность ее предшествования. Вера в глобальность, вера в фармацевтический заговор, вера в заговор, связанный с вакцинацией выступили предикторами, поскольку в 2022 г. еще были сильны тревоги населения, связанные с пандемией.

Повышенную тревожность и веру в заговоры в Северном регионе мы можем объяснить таким явлением, как «психологический глаз тайфуна» (Yang et al., 2023), который характеризует то, что люди, находящиеся ближе к центру зоны бедствия, сообщают о более низком восприятии риска.

В настоящей статье мы привели исследования, которые указывают на взаимосвязь тревоги, тревожных состояний и веры в заговоры. Однако мы отмечаем неоднозначность данного результата. Были рассмотрены некоторые теоретические позиции, которые позволили нам определить, что вера в заговоры связана с Другим, и тревога предшествует вере в заговоры. При проведении исследования конспиративистской ментальности тревоги в Южном и Северном регионах, было установлено их большее проявление в Северном регионе.

Методический инструментарий и полученные результаты могут быть использованы психологами и педагогами, реализующими воспитательную работу со студентами в вузах.

Список литературы

Бахтин, М. М. (2000). Автор и герой в эстетической деятельности. В М. М. Бахтин: *Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук* (с. 9–226). Санкт-Петербург: Азбука.

Глотова, Г. А., Спасскова, Н. В. (2005). Исследование тревожности с позиции социоцентрического подхода. *Психологический вестник Уральского государственного университета*, 5, 230–239.

Гусев, С., Скиртач, И. А. (2019). Психологические особенности лиц с высоким уровнем тревожности и возможности его коррекции посредством КППТ-тренинга. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 2(2), 16–33.

Карелин, Д. О. (2018). Тревожность как личностный фактор суицидального риска у студентов вуза. *Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание*, 4, 21–26.

Лакан, Ж. (2010). *Тревога (Семинар, Книга X (1962/63))*. Москва: Гнозис.

Нестик, Т. А., Дейнека, О. С., Максименко, А. А. (2020). Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(4), 87–104. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2020110407>

Пищик, В. И. (2019). *Ментальность поколений в текучей современности* (монография). Москва: ИНФРА-М.

Пищик, В. И. (2021). Нарциссизм и уровень тревожности Азербайджанских и Российских студентов с различными оценками аутостереотипов поведения. *Психологический журнал*, 42(5), 24–36. <https://www.doi.org/10.31857/S020595920016044-4>

Пищик, В. И. (2023). Первичная психометрическая проверка методики измерения конспиративистской ментальности. *Российский психологический журнал*, 20(1), 218–234. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.14>

Прихожан, А. М. (1998). Причины, профилактика и преодоление тревожности. *Психологическая наука и образование*, 3(2), 11–17.

Фон Биберштайн, И. Р. (2010). *Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков*. Санкт-Петербург: Издательство им. Н. И. Новикова.

Фрейд, З. (1927). *Страх*. Москва: Современные проблемы.

Хажуев, И. С., Идрисов, К. А., Саидов, А. А. (2020). Механизмы психологической защиты, как фактор усиления общего уровня тревожности личности, склонной к террористической активности. В: Учитель создает нацию (А-Х. А. Кадыров). *Сборник материалов V международной научно-практической конференции* (с. 556–560). Махачкала: АЛЕФ.

Copping, L. T. (2022). Anxiety and covid-19 compliance behaviors in the UK: The moderating role of conspiratorial thinking. *Personality and Individual Differences*, 192, 111604. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111604>

Goenjian, A. K., Steinberg, A. M., Najarian, L. M. et al. (2000). Prospective study of posttraumatic stress, anxiety, and depressive reactions after earthquake and political violence. *The American journal of psychiatry*, 157(6), 911–916. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.157.6.911>

Grzesiak-Feldman, M. (2013). The effect of high-anxiety situations on conspiracy thinking. *Current Psychology*, 32, 100–118. <https://www.doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6>

Hattersley, M., Brown, G. D. A., Michael, J., et al. (2022). Of tinfoil hats and thinking caps: Reasoning is more strongly related to implausible than plausible conspiracy beliefs. *Cognition*, 218, 104956. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104956>

Heiss, R., Gell, S., Röthlingshöfer, E. et al. (2021). How threat perceptions relate to learning and conspiracy beliefs about COVID-19: evidence from a panel study. *Personality and Individual Differences*, 175, 110672. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110672>

Imhoff, R., Bruder, M. (2014). Speaking (un-)truth to power: as a generalised political attitude. *European Journal of Personality*, 28(1), 25–43. <https://www.doi.org/10.1002/per.1930>

Jutzi, C. A., Willardt, R., Schmid, P. C. et al. (2020). Between conspiracy beliefs, ingroup bias, and system justification: how people use defense strategies to cope with the threat of COVID-19. *Frontiers in Psychology*, 11, 578586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.578586>

Krüppel, J., Yoon, D., Mokros, A. (2023). Clarifying the link between anxiety and conspiracy beliefs: A cross-sectional study on the role of coping with stressors. *Personality and Individual Differences*, 202, 111966. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111966>

Leibovitz, T., Shamblaw, A. L., Rumas, R. et al. (2021). COVID-19 conspiracy beliefs: relations with anxiety, quality of life, and schemas. *Personality and Individual Differences*, 175, 110704. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110704>

Proulx, T., Heine, S. J. (2010). The frog in Kierkegaard's beer: finding meaning in the threat-compensation literature. *Social and Personality Psychology Compass*, 4(10), 889–905. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00304.x>

Swami, V., Furnham, A., Smyth, N. et al. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: examining associations between psychological stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.084>

van Prooijen, J.-W. (2018). *The psychology of conspiracy theories*. London: Routledge.

Yang, S.-W., Xu, M.-X., Kuang, Y. et al. (2023). An agenda setting account for psychological typhoon eye effect 2 on responses to the outbreak of COVID-19 in Wuhan. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(5), 4350. <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph20054350>

References

Bakhtin, M. M. (2000). The author and the hero in aesthetic activity. In M. M. Bakhtin: *Author and hero: to the philosophical foundations of the humanities* (pp. 9–226). St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.).

Copping, L. T. (2022). Anxiety and covid-19 compliance behaviors in the UK: The moderating role of conspiratorial thinking. *Personality and Individual Differences*, 192, 111604. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111604>

Fon Bibershtain, I. R. (2010). *The myth of the conspiracy. Philosophers, Freemasons, Jews, liberals and socialists in the role of conspirators*. St. Petersburg: N. I. Novikov Publishing House. (In Russ.).

Freid, Z. (1927). *Fear*. Moscow: Modern Issues. (In Russ.).

Glotova, G. A., Spasskova, N. V. (2005). The study of anxiety from the perspective of a sociocentric approach. *Psychological Bulletin of Ural State University*, 5, 230–239. (In Russ.).

Goenjian, A. K., Steinberg, A. M., Najarian, L. M. et al. (2000). Prospective study of posttraumatic stress, anxiety, and depressive reactions after earthquake and political violence. *The American journal of psychiatry*, 157(6), 911–916. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.157.6.911>

Grzesiak-Feldman, M. (2013). The effect of high-anxiety situations on conspiracy thinking. *Current Psychology*, 32, 100–118. <https://www.doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6>

Gusev, S., Skirtach, I. A. (2019). Psychological features of highly anxious persons and potency of its correction by means of cognitive behavioral training. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 2(2), 16–33. (In Russ.).

Hattersley, M., Brown, G. D. A., Michael, J., et al. (2022). Of tinfoil hats and thinking caps: Reasoning is more strongly related to implausible than plausible conspiracy beliefs. *Cognition*, 218, 104956. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104956>

Heiss, R., Gell, S., Röthlingshöfer, E. et al. (2021). How threat perceptions relate to learning and conspiracy beliefs about COVID-19: evidence from a panel study. *Personality and Individual Differences*, 175, 110672. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110672>

Imhoff, R., Bruder, M. (2014). Speaking (un-)truth to power: as a generalised political attitude. *European Journal of Personality*, 28(1), 25–43. <https://www.doi.org/10.1002/per.1930>

Jutzi, C. A., Willardt, R., Schmid, P. C. et al. (2020). Between conspiracy beliefs, ingroup bias, and system justification: how people use defense strategies to cope with the threat of COVID-19. *Frontiers in Psychology*, 11, 578586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.578586>

Karelin, D. O. (2018). Anxiety as a personal factor of suicidal risk in students of the higher education. *Bulletin of New Medical technologies. Digital journal*, 4, 21–26. (In Russ.).

Khazhiev, I. S., Idrisov, K. A., Saidov, A. A. (2020). Mechanisms of psychological protection as a factor of increasing the general level of personal anxiety like terrorist activity. In: The teacher creates a nation (A.-H. A. Kadyrov). *Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference* (pp. 556–560). Makhachkala: ALEF. (In Russ.).

Krüppel, J., Yoon, D., Mokros, A. (2023). Clarifying the link between anxiety and conspiracy beliefs: A cross-sectional study on the role of coping with stressors. *Personality and Individual Differences*, 202, 111966. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111966>

Lakan, Zh. (2010). *Anxiety (Seminar, Book X (1962/63))*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

Leibovitz, T., Shamblaw, A. L., Rumas, R. et al. (2021). COVID-19 conspiracy beliefs: relations with anxiety, quality of life, and schemas. *Personality and Individual Differences*, 175, 110704. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110704>

Nestik, T. A., Deineka, O. S., Maksimenko, A. A. (2020). Socio-psychological prerequisites of belief in conspiracy theories of the origin of COVID-19 and involvement in network communications. *Social psychology and society*, 11(4), 87–104. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2020110407> (In Russ.).

Pishchik, V. I. (2019). *The mentality of generations in the fluid modernity* (a monograph). Moscow: INFRA-M. (In Russ.).

Pishchik, V. I. (2021). Narcissism and anxiety level of Azerbaijani and Russian students with different assessments of autostereotypes of behavior. *Psychological Journal*, 42(5), 24–36. <https://www.doi.org/10.31857/S020595920016044-4> (In Russ.).

Pishchik, V. I. (2023). Primary psychometric verification of the method of measuring the conspirativistic mentality. *Russian Psychological Journal*, 20(1), 218–234. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.14> (In Russ.).

Prikhozhan, A. M. (1998). Causes, prevention and overcoming of anxiety. *Psychological science and education*, 3(2), 11–17. (In Russ.).

Proulx, T., Heine, S. J. (2010). The frog in Kierkegaard's beer: finding meaning in the threat-compensation literature. *Social and Personality Psychology Compass*, 4(10), 889–905. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00304.x>

Swami, V., Furnham, A., Smyth, N. et al. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: examining associations between psychological stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.084>

van Prooijen, J.-W. (2018). *The psychology of conspiracy theories*. London: Routledge.

Yang, S.-W., Xu, M.-X., Kuang, Y. et al. (2023). An agenda setting account for psychological typhoon eye effect 2 on responses to the outbreak of COVID-19 in Wuhan. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(5), 4350. <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph20054350>

Об авторе:

Пищик Влада Игоревна, доктор психологических наук, профессор кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственной технической университет (РФ, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1000), vladaph@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.03.2023.

Поступила после рецензирования 25.04.2023.

Принята к публикации 26.04.2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Pishchik Vlada I., Dr. Sci. (Psychology), Professor of the “General and Counseling Psychology” Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1000), vladaph@yandex.ru

Received 12.03.2023.

Revised 25.04.2023.

Accepted 26.04.2023.

Conflict of interest statement

The author do not have any conflict of interest.

The author have read and approved the final manuscript.